

Приключения итальянки в России

Фьоренца Коссотто — российский тур-2001

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Певица с настоящим примадонским характером из плеяды легендарных солистов миланского театра La Scala, в 60–70-х годах прошлого века вошедшая в историю как выдающаяся меццо-сопрано XX столетия, частая гостья в нашей стране. Ее нынешний визит к нам уже седьмой по счету. Трижды — в 1964-м, 1974-м и в 1989 годах она приезжала в Москву с труппой La Scala, однажды — в 1982 году, как солистка Гамбургской оперы. Это все были визиты той певицы, по которой сходил с ума полмира. Ей не было равных в итальянском, особенно вердиевском репертуаре. И хотя сегодня имя Фьоренцы Коссотто не встретишь на афишах крупных театров мира, она ныне не относится к числу законодательниц сегодняшней оперной моды, но ей удается сохранять и манеру поведения настоящей оперной прима, и внушительную армию верных фанатов. Теперь ее творческая участь — концерты в провинциальных городах, работа в жюри различных конкурсов и мастер-классы. В 1997-м Коссотто приезжала с концертом в Краснодар, а в 1998-м была членом жюри конкурса имени П.И. Чайковского.

Нынешние приключения итальянки в России — зимнее путешествие поездом по экстремальному для теплолюбивого человека маршруту: Москва—Чебоксары—Москва длиной в две недели. В Чебоксарах Коссотто пела концерт на фестивале памяти баса Большого театра Максима Михайлова. В Москве у певицы была куда более насыщенная программа. Она дала аж две пресс-конференции. Встретилась с нашими педагогами вокала. Последние пижонили друг перед другом и перед певицей и активно переругивались между собой. Примадонна с нескрываемым высокомерием и легкой насмешкой наблюдала за этими «боями местного значения». А главное — совсем не торопилась делиться тайнами своего таланта и мастерства ни с профессурой, ни с журналистами, всякий раз уходя от ответа с ловкостью опытного дипломата и со своей фирменной широкой улыбкой на устах.

Судя по концерту участниц ее пятидневного мастер-класса в Большом театре, не стала открывать она своих секретов и для своих молодых коллег. Концерт был наполнен фальшью, плохим итальянским языком и жуткими туалетами певцов и певиц. Лучшей среди этой шестерки оказалась солистка Большого меццо Ирина Долженко — музыкальная и темпераментная. Но быть первой в подобной компании сомнительная удача для хорошей певицы.

Для самой же Коссотто самым важным в московском вояже был ее собственный концерт в Оружейной палате Московского Кремля. В присутствии нескольких десятков человек она пела в основном арии из опер своего «золотого» репертуара. Но голоса было мало, и он ее практически не слушался, поэтому временами она просто напевала или переходила на мелодекламацию. Грустнее зрелища невозможно было представить. Былое величие и мощь прорвались к публике лишь однажды — в момент рассказа Азу-

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

Настоящая примадонна — сама себе эталон.

чены из вердиевского «Трубадура». Но верные фанаты неистовствовали и разглядывали в бинокли из первого ряда партера предмет своего обожания. И становится понятно, почему сделать выдающуюся карьеру бывает много проще, чем вовремя уйти со сцены.

Накануне своего отъезда из России Фьоренца Коссотто согласилась дать интервью «Новым Известиям».

— Какой вам показалась Москва в ваш нынешний приезд?

— Я с большим удовольствием приехала в Россию в этот раз. Я впервые в жизни увидела настоящий снег. Он меня безумно взволновал. К тому же меня всегда обожала московская публика. Очень жаль, что сейчас у меня не было возможности выступить в Большом театре. Я продолжаю петь и даю не только мастер-классы, но и концерты. Для меня Москва — оперная столица. У меня множество самых хороших воспоминаний, связанных с Москвой, уйма друзей и поклонников, которые любят меня и поняли мое искусство, мое пение, мою чувственность.

— А в примадонне должно быть больше характера или таланта?

— Необходимо и то, и другое. Но прежде всего примадонне нужно иметь голос. Именно своему голосу я обязана своей карьерой. А еще надо добавить в этот коктейль как можно больше музыкальности и очень много чувства.

— Какую черту своего характера вы считаете определяющей?

— Мою любовь к музыке. Я всегда воспринимала пение как свою миссию. Всевышний дал мне голос, и совершенно правильно, что я должна отдавать этот голос публике.

— Вы признаны эталоном меццо-сопрано 70-х годов прошлого века, однако вы искали свое музыкантское счастье и на территории сопрано. Для чего вам это было нужно?

— Я меццо-сопрано, но, как мне сказали врачи, мои голосовые связки имеют свойства как сопрано, так и меццо. То есть я меццо-сопрано с дополнительными нотами в высоком регистре. Это естественная природа моего голоса. Я могла быть и драматическим сопрано. И я пела партии подобного репертуара, которые мне очень нравились. Например, Сантуцца в «Сельской чести», признанная одним из лучших моих персонажей. Я пела и леди Макбет Верди и получила даже «Золотой Диск» за эту запись. Но у меня не было возможности спеть эту роль на сцене, потому что при своем серьезном отношении к профессии я не могу выступать перед публикой без репетиций. Я была приглашена одним театром, и в последний момент — у них были проблемы с сопрано. Я же отказалась, потому что у меня в распоряжении была только генеральная репетиция, а для театрального дебюта в роли — это не серьезно.

— Вам не свойственен риск?

— Нет, потому что все, что я делаю, я предварительно обдумываю. И никаких безумств я, по-моему, не совершала. Самое большое мое безумство — это мой дебют в La Scala, когда меня вызвали заменить в опере Доницетти «Фаворитка» Джульетту Симионато, всего лишь за полчаса до начала спектакля. Помню, я работала в тот день шесть часов и очень устала — это действительно был огромный риск, чистое безумство, но, слава Богу, все закончилось хорошо.

И, однако, больше подобных экспериментов я не предпринимала.

— Что, на ваш взгляд, наиболее опасно для певца?

— Две вещи. Репертуар наперекор собственной природе, а также вечеринки и прочие вольности. Поэтому я предпочитаю тихие семейные посиделки и одиночество, когда можно заняться строгим самоанализом. Так сложилось, что самым лучшим педагогом я была сама у себя.

— Вам знакомо чувство бессилия перед музыкой?

— Нет, я никогда не чувствовала себя бессильной в музыке. Но не нужно путать автора — гения, который написал музыку, и исполнителя, который всего лишь миссионер этой музыки. Он обязан передать ее людям, но он не должен никогда чувствовать себя тем гением, что написал эту музыку.

— А разве не хочется быть конгениальной композитору?

— Да, конечно. Но чаще я делаю все возможное, чтобы доставить удовольствие автору, написавшему эту необыкновенную музыку, которая более всего затронула мое сердце и отвечает моим чувствам — как правило, из итальянского или французского репертуара. Что касается русской музыки, то сейчас я учусь произношению, чтобы петь ее в концертах. Я теперь пою даже на японском.

— Какие свои образы вы считаете совершенными?

— Все партии, которые я пела. Я не вычеркнула бы из этого списка ни одной.

— Меццо-сопрано не очень повезло по части добродетельности героинь. Персонажи оставляют следы в характере?

— Нет. Для меня все мои персонажи — по-настоящему любящие женщины, борющиеся до последнего за свое чувство. Ведь любовь — это главная вещь в жизни. Поэтому их нельзя делать отрицательными героинями и до тупости упрощать драматическую ситуацию.

— Когда столько любишь на сцене, остаются силы для любви в жизни?

— Любовь на сцене происходит именно от любви в жизни. Иначе на сцене вам нечего делать. Поэтому почти все мои персонажи — это и есть Фьоренца Коссотто. Проблема возникает только, если мне предстоит играть то, что мне неведомо. Например, убийство, совершаемое леди Макбет. С реальности я не способна убить ни человека, ни животное. Я не знаю, как это делается. В таком случае мне нужно притворяться. Леди Макбет — очень сложный и глубокий персонаж. Я работала над ней, в точности следуя советам Верди. Музыка подсказывает, что надо делать и нужные чувства — любовь, ненависть, злость и, наконец, страх. Тут необходимо только обладать очень хорошей вокальной техникой, чтобы голос звучал естественно, как обычный разговор. Тогда можно выходить на сцену и играть персонажа.

— Кого из певцов вы могли бы счесть своими преемниками?

— Я никого не вижу и не могу найти ни одного примера в качестве эталона. У каждого человека свой голос, свои чувства, свое отношение к той или иной партии, а в итоге ко всей жизни.

Коссотто Фьоренца
(Mezzosoprano, Sopranista)

15.12.01